

19 ДЕК 1982

ВОЛЖСКИЙ РАЙОН

Г. ПУШКИН

Швейк

на войне

(Из фронтового

дневника)

Получилось довольно просто и как-то неожиданно. Однажды к нам пришла из Москвы «прессовка», предназначенная для перепечатки в красноармейских газетах, — «Новые похождения braveго солдата Швейка». Обрадовались мы, но, прочитав, приуныли. Никто не улыбнулся, не засмеялся. Скучно было написано — не в духе и не в стиле Ярослава Гашека.

— Нет, это не Швейк, а какой-то преглуповатый зубоскал, — заметил редактор Яхлаков и наложил на «прессовку» табу. — Нам бы настоящего Швейка, — добавив он с веселой улыбкой, — такого, чтобы, черт возьми, гомерический хохот вызывал у солдат.

Желание редактора всем нам было понятно. В то неимоверно тяжелое время, вплоть до победы под Сталинградом, мучительные раздумья и тревоги ни на минуту не покидали бойцов. Что могло вселить бодрость в их души, изменить их подавленное настроение? Только крутые перемены на фронте в пользу нашей армии. Но, увы, таких перемен тогда, в суровом сорок первом, еще не было. Упорно обороняясь, наши войска отступали. На поругание и растерзание врагу оставлялись родные города и села, старики, женщины и дети, и от одной мысли об этом сердце сжималось от боли... Нужно ли говорить о том, что значили в то время для солдата остроумная шутка, веселая побаска, уничтожающая ирония, метко сказанное слово — в общем все то, что могло хоть на несколько минут, в короткие паузы между схватками, развеять тяжелые думы?

— Да, фронтовая жизнь без смеха, без юмора, что свадьба без музыки, — сказал Яхлаков. — Нашему солдату смех нужен наравне с патронами, хлебом и махоркой.

Леонид Кацнельсон, наш поэт и фельетонист, тоже из Куйбышева, сидел молча и, почесывая кончиком карандаша висок, о чем-то думал. Потом вдруг оживился, засиял, как весеннее солнышко, выглянувшее из-за хмурых туч, и, обращаясь к ре-

дактору, сказал:

— Петр Прокофьевич, есть у меня идея: выпустить на страницы нашей газеты своего Швейка — Швейка этой войны. Попытка — не пытка, провал — не беда. Заранее извинимся перед покойным Ярославом Гашеком за то, что мы отважились продолжить похождения его героя.

— Что же, отважьтесь, — улыбнулся редактор. — Было бы, конечно, здорово, но хватит ли у вас пороху?

Пороху у Леонида хватило. Прошло два-три дня, и на второй странице нашей армейской газеты «Боевой натиск» появилось начало приключенческой, юмористической повести под названием «Швейк на Восточном фронте». Художник В. Ключев нарисовал хороший заголовок, вмонтировав в него презабавную, смешную физиономию braveго солдата, с хитровато-лукавым прищуром глаз и добродушно-иронической ухмылкой.

Произошло неожиданное: читая эту первую главу, мы смеялись от всей души. Швейк нам понравился. Редактор побрякивал, удовлетворенно потирая руки.

— Вот это то, что надо, — похвалил он Кацнельсона и Федора Веди́на, в творческом содружестве с которым Леонид давал «вторую жизнь» герою Ярослава Гашека.

В действующих частях воскрешенного Швейка встретили с живейшим интересом как балагура-весельчака, умного чеха Будейовица, насильно мобилизованного Гитлером после оккупации Чехословакии и отправленного на Восточный фронт. Ловко прикидываясь дурачком, Швейк, где только можно было, обводил вокруг пальца фашистских офицеров, втайне стараясь попасть в плен к русским.

«Боевой натиск» читался солдатами нарасхват. В каждом номере или через номер они находили все новые и новые проказы и похождения Швейка, а когда случались по каким-либо причинам перерывы, спрашивали:

— А почему сегодня про Швейка ничего нет?

Кацнельсон и Ведин рады были, что своим творчеством приносят пользу воинам, сражающимся на передовой линии огня.

Г. ТЕРТЫШНИК.